

Воспоминаніе о священникѣ Андрей Ардаліоновичѣ Вороновѣ.

4 декабря 1913 года въ 3 часа утра послѣ тяжелой кратковременной болѣзни тихо, по христіански, скончался заштатный священникъ Удимской Васильевской церкви, Устюжскаго уѣзда, Андрей Ардаліоновичъ Вороновъ, 67 лѣтъ отъ роду. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ страдалъ хрипотю въ горлѣ и сухимъ кашлемъ, который не давалъ ему покоя особенно въ зимнее время. Врачебная помощь весьма незначительно облегчала положеніе больного. А въ послѣдній годъ болѣзнь осложнилась суженіемъ пищевода, вслѣдствіе чего больной не могъ принимать никакой твердой пищи и почти три недѣли отъ истощенія лежалъ безъ движенія, перемѣняя свое положеніе только при посторонней помощи. Однако во все это время онъ былъ въ полномъ сознаніи, исповѣдая и приобщенъ Св. Таинъ Христовыхъ нѣсколько разъ и освященъ таинствомъ св. елеопомазанія.

Покойный отъ природы вообще былъ падѣленъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, но служба въ такомъ большомъ приходѣ, какъ

Ягрнжскій, Сольвычегодскаго уѣзда, при нездоровомъ болотистомъ климатѣ преждевременно надорвала его силы; и тогда еще, когда было ему лишь 42 года, онъ почувствовалъ въ себѣ грыжу и ревматизмъ въ такой сильной степени, что лишенный ногъ принужденъ былъ пользоваться болѣе мѣсяца лечебными водами Корпиліево-Комельскаго монастыря, Грязовецкаго уѣзда.

Много невзгодъ и скорбей пришлось перенести покойному съ самыхъ юныхъ лѣтъ, особенно въ годы ученія и въ первые годы самостоятельной службы. Родился онъ въ 1846 году іюня 24 дня въ глухой лѣсистой и болотистой мѣстности села Вершини, Сольвычегодскаго уѣзда. Отецъ его священникъ Вершинской Ильинской церкви Ардалионъ Вороновъ рано лишился жены и остался съ тремя малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ Андрей-старшій былъ 9 лѣтъ, Василій 7 и дочь Татіана 2½ лѣтъ. О поступленіи своемъ въ училище и о годахъ ученія въ Устюжскомъ духовномъ училищѣ и Вологодской семинаріи покойный передавалъ много скорбныхъ воспоминаній. „Послѣ домашняго обученія грамотѣ лично своимъ родителямъ, когда минуло мнѣ 10 лѣтъ отъ роду, а именно 29 августа 1856 года послѣ напутственнаго молебна св. пророку Ілліи, самъ родитель мой повелъ меня въ г. Устюгъ для поступленія въ духовное училище. Путь предстояло совершить пѣшкомъ на разстояніи 40 верстъ до г. Красноборска, такъ какъ за 1 версту отъ дома начиналось топкое влажное болото на 20 верстъ, куда на лошади ѣхать въ лѣтнее время не было никакой возможности. Круговой же сухой проселочной дорогой до г. Красноборска слѣдовало сдѣлать 120 верстъ, что въ лѣтнее рабочее время стоило дорого, а отецъ былъ бѣднѣйшій священникъ и на наемъ подводы не имѣлъ средствъ. И вотъ мы оба съ отцемъ обернули ноги портянками и обули не смоги, какъ обыкновенно снаряжаются въ дорогу, а нарочито сшитые изъ черной кожи въ родѣ древнихъ сандалій съ носками, по мѣстному выраженію, *моршни* съ оборами ими веревочными завязками, которыми ноги до полуколѣнъ затягиваются сверхъ портянокъ. Такая обувь была у каждаго мѣстаго обывателя крестьянина и считалось удобной для ходьбы въ болотахъ въ томъ отношеніи, что изъ нея вытекала вода и когда протушишься въ болотѣ до колѣна, то удобно и легко было вытаскивать ноги обратно. Для такого путешествія и одежда падѣвалась легкая и короткая, длинная же должна была забираться подъ поясъ. Цоклажа чучѣлась въ такъ называемые

крошки, устроенные изъ береста и приспособленные для ношенія за плечами съ широкими полотняными лямками. Надѣли мы на плечи свои котомки съ бѣльемъ, домашними скоромными сухарями — „шаньгами“ и разной провизіей, при чемъ отцовская ноша вмѣстѣ съ топоромъ вѣсила 1 пуд. 5 фун., а моя 15 фунтовъ, въ руки для опоры взяли по толстой палкѣ съ двумя рогами на нижнемъ концѣ для того, чтобы не взяли онѣ въ болото, — и такъ отправились въ дорогу. — Тоска по родительскомъ домѣ и беззаботномъ родномъ гнѣздышкѣ сильно давить мое сердце, на глаза навертываются слезы, но явно плакать боишься отца, — онъ былъ строгій. Не больше версты прошли мы сухой населенной мѣстностью, далѣе вступили въ лѣсъ и мокрое болото. Идемъ тихими рѣдкими шагами, опираясь на свои палки. Куда ни взглянешь, вездѣ вода и рѣдкій чахлый лѣсокъ — сосна и береза. Пройдешь версты четыре или пять, ноги зябнуть отъ холодной осенней воды, такъ что ноютъ кости до колѣнъ, чувствуется устатокъ, хочется отдохнуть — и опять навертываются непрошенныя слезы на глазахъ. Отецъ замѣчаетъ мой устатокъ и говоритъ: „что, Андрей, усталъ“? — Усталъ, тятенька, отвѣтишь ему. „Ну, отдохнемъ!“ Остановимся, опершись грудью на палки, постоимъ нѣсколько минутъ въ водѣ — ногъ и отдохнули! — и пойдешь опять впередъ. А тутъ смотришь: черезъ какихъ-нибудь нѣсколько сажень отъ мѣста отдыха ускочишь ногой до колѣна въ болото, а то и обѣими вмѣстѣ и опершись крѣпче на палку, вытаскиваешь ноги скорѣй изъ болота. — Въ теченіе дня обоемъ, и чаще отцу съ тяжелой ношей, приходилось нѣсколько разъ вязнуть въ болотѣ. Къ вечеру начинаешь уставать еще сильнѣе и чувствуешь большое утомленіе. Невольно спрашиваешь отца: „что, тятенька, далеко ли еще идти до бору?“ Отецъ говоритъ, что лѣсъ начинается уже густой и болото скоро кончится. Такъ и ободрившись отъ этихъ словъ, какъ будто не чувствуешь устатка. — Къ вечеру кончается тяжелый двадцативерстный путь болотомъ, — ноги вступаютъ въ сухой сосновый боръ. Съ облегченнымъ сердцемъ оба съ отцемъ складываемъ съ плечъ мы свои ноши и садимся на сухую землю отдыхать, — послѣ сильнаго устатка приятно и сладко бываетъ отдохнуть. Впрочемъ, отцу нельзя было долго сидѣть на отдыхѣ, а пока еще не затемнело, ему нужно было устроить шалашъ для ночлега. Онъ бралъ топоръ и шелъ рубить небольшія собенки для устройства шалаша. Нарубилъ сосенъ, наносилъ ихъ къ мѣсту нашей остановки, сдѣлалъ

четыре кола, заострил концы ихъ, воткнулъ ихъ попарно въ землю, перевязалъ сверху, положилъ на нихъ поперечникъ и отлого къ поперечнику съ одной стороны наставилъ сосенъ, — вотъ шалашъ и готовъ! Затѣмъ нарубилъ сухого валежника на дрова и сталъ носить его къ шалашу. Отдохнувъ немного съ дороги, иду и я помогать отцу носить дрова. Заготовивъ достаточное количество дровъ для ночи, отецъ достаетъ огонь и зажигаетъ костеръ предъ шалашемъ на всю ночь. Подкрѣпивъ свои силы дорожнымъ ужиномъ, я ложусь спать въ шалашъ, а отецъ всю ночь не ложится: онъ поддерживаетъ огонь, безъ котораго было бы холодно спать на землѣ въ осеннюю ночь. Въ то же время онъ обсушиваетъ надъ костромъ промокшую обувь для слѣдующаго дня. Отъ непривычнаго и утомительнаго путешествія и устатка спалось мнѣ крѣпко и безпробудно. Утромъ отецъ будить рано: „вставай, говоритъ, Андрей, пора идти“. Поспѣшно я всталъ, умылся, помолился Богу и вмѣсто завтрака съѣлъ кусочекъ хлѣба. Обувшись по прежнему въ тѣ же морщины, надѣваемъ опять мы свои ноши на плечи, оставляемъ ночлегъ и идемъ дальше теперь уже сухимъ путемъ — огромнымъ лѣсомъ десять верстъ до мельницы при рѣчкѣ „Ергусъ“. Здѣсь мы останавливаемся у мельника — добродушнаго крестьянина, который предлагаетъ намъ угощеніе, а жена его хлопочетъ съ самоваромъ. Напившись чаю и подкрѣпивъ себя пищею, опять беремъ свои ноши и сухой проселочной дорогой, деревнями Цивозерскаго и Бѣлослудскаго приходоу, проходимъ въ тотъ же день еще десять верстъ до деревни „Дябрино“ при рѣчкѣ Сѣверной Двинѣ, гдѣ переѣзжаемъ за рѣку прямо въ г. Красноборскъ, а затѣмъ еще съ верету отъ города идемъ въ село Устьявду къ дядѣ, пономарю Устьявской церкви Михаилу Шумнину (жена его была родная сестра моему отцу). Добрый и услужливый дядя по просьбѣ отца идетъ въ деревню своего прихода и нанимаетъ для насъ протяжную подводу до г. Устюга за 106 верстъ на одной лошади въ тарантасѣ за три рубля съ полтиной съ тѣмъ, чтобы отца привезти обратно до Устьявды.

Наконецъ мы въ Устюгъ! Видъ города, никогда до того мною невиданнаго, производитъ на меня большое впечатлѣніе. Множество церквей, громадныя дома и магазины въ два и три этажа съ большими окнами, сады и палисадники, разнообразная торговля въ гостиныхъ рядахъ, особенно же рынокъ съ постояннымъ движеніемъ и суетою, съ заманчиво выглядывающими

фруктами, овощами и лакомством—все привлекает вниманіе и вызывает удивленіе новичка, никогда ничего не видавашаго, кромѣ лѣсной глуши и деревни. Отецъ замѣчаетъ мое удивленіе и, пользуясь впечатлѣніемъ всего видѣннаго, говоритъ мнѣ: „вотъ, если завтра ты хорошо отвѣтишь на экзаменъ и поступишь въ училище, то я куплю тебѣ булку, яблоковъ и моркови“. На другой день отецъ повелъ меня на экзаменъ въ домъ о. ректора училища, протоіерея Успенскаго собора Платона Скворцова. Въ тѣ времена экзамены производились совѣмъ не такъ строго, какъ теперь. Отецъ ректоръ предложилъ мнѣ прочесть наизусть молитву Господню, спросилъ кое-что изъ таблицы умноженія, заставилъ прочесть по книгѣ нѣсколько строкъ, списать съ прописи строки три—вотъ и весь экзаменъ. Я довольно бойко и хорошо отвѣтилъ на вопросы экзаменатора и былъ принятъ въ училище. Довольный моимъ отвѣтомъ, отецъ мой немедленно исполняетъ свое обѣщаніе: идемъ на рынокъ и здѣсь онъ покупаетъ мнѣ гостинецъ, чему я несказанно былъ радъ, какъ неизбалованный гостинцами съ дѣтства. Вскорѣ послѣ этого, пристроивъ меня на квартиру вблизи училища у одного бѣднаго мѣщанина за 8 рублей въ годъ на своемъ содержаніи, отецъ мой распрощался со мной и, наказавъ мнѣ старательно учиться, съ прежнимъ ящикомъ отправился обратно домой. И вотъ началась для меня трудовая жизнь. Отъ природы одаренный способностями самыми посредственными, я старался однако не отставать отъ своихъ товарищей усидчивымъ прилежаніемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, благодаря чему съ успѣхомъ переходилъ изъ класса въ классъ черезъ каждые два года тогдашняго двухгодичнаго курса. Немалымъ препятствіемъ къ занятіямъ служила тѣсная и грязная квартира, состоявшая всего изъ одной комнаты, въ которой помѣщалось насъ—квартирантовъ шесть учениковъ и сами хозяева, но при скудныхъ средствахъ содержанія приходилось довольствоваться и этимъ. Черезъ два года послѣ поступленія моего въ училище отецъ привезъ и брата Василя 9 лѣтъ и записалъ его въ тоже училище. На послѣдніе два года моего ученія въ Устюгѣ отецъ перевелъ меня съ братомъ на другую болѣе удобную квартиру тоже вблизи училища въ маленькій, но уютный домъ крестьянина кузнеца, что у озера за Архангельской монастырской оградой, уже на готовое хозяйское содержаніе, впрочемъ за очень дешевую даже для прежняго времени плату 19 рублей въ учебный годъ съ ученика, причемъ

и здѣсь нахлѣбничковъ насъ было шесть человѣкъ. Содержаніе для насъ, теперь значительно улучшилось. Вмѣсто одного чернаго хлѣба въ скоромнныя дни теперь подавались намъ щи и молоко (съ грудками), а по воскреснымъ днямъ приготовлялись пироги изъ ячной муки и вмѣсто молока жареная картофель, въ постныя дни — уха изъ соленой рыбы и жареная картофель на постномъ маслѣ. Такимъ содержаніемъ мы всѣ квартиранты были очень довольны.

Учебное дѣло во всѣ шесть лѣтъ училищнаго курса шло у меня довольно успѣшно, такъ что при строгихъ порядкахъ того времени, какъ припоминается, во всѣ шесть лѣтъ я былъ наказанъ розгами только два раза и то не за шалость и лѣнность, а случайно. Хорошо помню, за что наказанъ былъ я во второй разъ уже въ 4 классѣ училища. Въ классѣ я сидѣлъ за одной изъ первыхъ партъ. Во время урока учителя Александра Марковича (фамиліи не помню), когда онъ объяснялъ намъ что-то впередъ, я увлекся разговоромъ съ товарищемъ, сидящимъ рядомъ со мной. Учитель замѣтилъ насъ и сейчасъ же по окончаніи объясненія спросилъ: „Вороновъ, скажи, что я говорилъ?“ — Всталъ я на ноги и не зналъ, что отвѣчать. „Ступай, сказалъ учитель, шесть плякъ дадутъ тебѣ“ (т. е. 6 ударовъ розгой). — „Помилуйте, говорю, Александръ Марковичъ!“ Ну, тогда семь!.. Ученики, которыхъ мы называли „палачами“, сидящіе обыкновенно ближе къ дверямъ, сейчасъ же побѣжали въ кладовую за розгами и принесли ихъ въ классъ. Легъ я на полъ и получилъ отъ нихъ шесть ударовъ. Нужно замѣтить, что розги въ наше время ученія были въ большомъ употребленіи, и въ концѣ каждаго мѣсяца о. ректоръ Скворцовъ по субботамъ, наводя на всѣхъ учениковъ страшную панику, приходилъ въ училище и наказывалъ во всѣхъ классахъ шалуновъ и лѣнтяевъ розгами, назначая каждому изъ нихъ по извѣстному количеству ударовъ.

Въ 1862 году я благополучно и съ успѣхомъ кончилъ курсъ духовнаго училища и, будучи 16 лѣтъ, былъ переведенъ въ Вологодскую духовную семинарію. Путь до Вологды предстояло совершить въ лодкѣ, такъ какъ пароходовъ тогда еще не было. Послѣ трехъ недѣль утомительнаго путешествія вверхъ по Сухонѣ наконецъ увидѣлъ я Вологду, по прибытіи куда помѣстился вмѣстѣ съ тремя товарищами на квартирѣ во Фрязиновѣ у писаря военной канцеляріи солдата за 10 рублей въ годъ на

своемъ содержаніи. Содержаніе, конечно, было самое скудное: часто приходилось довольствоваться однимъ сухимъ чернымъ хлѣбомъ безъ приварка и тѣмъ болѣе—безъ чая. Отецъ мой жилъ въ крайней бѣдности и лишеніяхъ. Всѣхъ доходовъ за службу въ бѣднѣйшемъ приходѣ, велячая сюда и 72 руб. жалованья отъ казны, въ теченіе года онъ получалъ едва до 250 руб. Изъ этихъ средствъ и мнѣ на содержаніе съ уплатой за квартиру онъ имѣлъ возможность удѣлять только тридцать рублей въ годъ. Деньги онъ посылалъ мнѣ по десяти рублей въ каждую треть учебнаго года. Часто бывало такъ, что получишь изъ дому десять рублей, а половина ихъ должна быть давно въ расходѣ. Выдашь хозяину за квартиру, отдашь долгъ ему же за муку, возьмешь впередъ еще нѣсколько муки—и денегъ какъ не бывало, а между тѣмъ сапоги безъ подошвъ и на починку ихъ болѣе не осталось ни копѣйки. Дѣлать нечего: идешь въ такихъ сапогахъ и въ семинарію на уроки и въ храмъ Божій на молитву. Стыдно было въ такой обуви ходить особенно въ церковь и частенько приходилось просить сапоги, а иногда и верхнюю одежду—пальто и тальму у богатыхъ товарищей соквартирантовъ, братьевъ Кулаковыхъ Алексѣя и Константина изъ Никольскаго уѣзда, и они охотно давали мнѣ и сапоги и одежду сходить въ церковь (добрые были!—дай имъ, Господи, царство небесное!) Сердечно радъ былъ я за это услужить имъ чѣмъ могъ: часто, бывало, ходилъ отъ нихъ въ лавку за покупками.

Со второго года ученія въ семинаріи начинаются для меня въ собственномъ смыслѣ тяжкія скорби и лишенія. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 года лишился я послѣдней опоры въ жизни—своего родителя, — умеръ онъ отъ чахотки всего 44 лѣтъ отъ роду. Получивъ изъ дому письмо съ увѣдомленіемъ о смерти отца и десять рублей денегъ, горькими слезами заплакалъ я и думалъ, что все теперь для меня потеряно: содержаться впередъ нечѣмъ и ученю, значить, конецъ. Подалъ прошеніе о. ректору о принятіи меня на казенное содержаніе, и на мое счастье, послѣ казенуль былъ принятъ. — Въ томъ же году и братъ мой Василій перешелъ въ семинарію. На мнѣ, какъ на старшемъ, лежала забота и о немъ. Первая забота была опять же о содержаніи. По смерти отца денегъ не осталось, и всего имущества, одежды, хлѣба и скота по описи значилось только на сто шестьдесятъ рублей. Между тѣмъ дома была еще малолѣтняя сестра съ бабушкой, матерью отца. Единственная надежда оставалась на ка-

зенное содержаніе. Заготовивъ прошеніе о принятіи брата на казенное содержаніе, пошелъ я вмѣстѣ съ нимъ къ о. ректору Іонафану, но и тутъ неудача: о. ректоръ не принималъ прошенія и сказалъ, что брата, какъ вновь поступившаго и еще не оказавшаго успѣховъ въ ученіи, принять на казенное содержаніе сейчасъ нельзя. Жаль брата: онъ имѣлъ хорошія способности и въ духовномъ училищѣ все время учился очень успѣшно! Куда обратиться? Что дѣлать?—На другой же день мы съ братомъ опять идемъ къ о. ректору и оба падаемъ ему въ ноги съ просьбой принять брата на казенное содержаніе вмѣсто меня. Самъ я рѣшился остаться на квартирѣ у одного портного Лавра Вѣлосорова, куда и ранѣе, по смерти отца, ходилъ на кондичіи обучать двухъ сыновей его, чтобы заработать себѣ на содержаніе. За труды свои здѣсь я получалъ по крайней мѣрѣ готовый столъ и одежду, хотя безъ всякаго денежнаго вознагражденія.— О. ректоръ сначала отказалъ въ приѣмѣ брата подъ тѣмъ предлогомъ, что въ спискахъ на полученіе казенной одежды и обуви записанъ я, и внести поправку въ книги не хотѣлъ. Я еще разъ поклонился о. ректору, и онъ согласился наконецъ удовлетворить нашу просьбу. Радостные вышли мы отъ о. ректора.—Черезъ шесть лѣтъ братъ мой кончилъ семичарию студентомъ, проучившись на казенномъ содержаніи все время семинарскаго курса. На лѣтніе каникулы ходили мы съ братомъ на родину той же трудной болотистой дорогой, о которой сказано выше.

На послѣдніе два года, т. е. въ богословскомъ классѣ, по прошенію былъ принятъ и я, какъ сирота, на казенное содержаніе и при ограниченнѣхъ способностяхъ и плохой памяти, благодаря только усидчивому труду и прилежанію при отличномъ поведеніи старался учиться и пробивать себѣ дорогу къ жизни, такъ что въ спискахъ числился уже 9-мъ ученикомъ въ первомъ разрядѣ. Теперь я былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ и думалъ, что совсѣмъ устроился. Оставалось ожидать окончанія курса. Но въ премудрыхъ начертаніяхъ Промысла Божія мнѣ назначено было послать еще болѣе тяжелый крестъ, чѣмъ лишеніе отца.

Съ самаго поступленія моего въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ семинарскаго начальство поручило мнѣ старшинство и обязанность наблюдать за учениками шестого номера во время занятій и очередное понедельное дежурство по провизіи и въ столовой во время обѣда и ужина за всѣми учениками

вмѣств со „старшими“ остальныхъ пяти нумеровъ. Была масляная недѣля и какъ есть моя очередь дежурства по провизіи и въ столовой. Ученики попросили меня сходить къ о. ректору, бывшему въ то время архимандриту Поліевкту, испросить его разрѣшенія на масляную недѣлю вмѣсто трески, которая была съ запахомъ, купить для семинарскаго стола хотя бы мелкихъ недорогихъ свѣжихъ снатковъ. О. ректоръ съ неудовольствіемъ выслушалъ мое заявленіе о желаніи товарищей и отказалъ въ просьбѣ, что и передалъ я ученикамъ. На другой день ученики, сговорившись между собой, пришли въ столовую и, когда подано было первое блюдо съ той же треской, всѣ вскричали, что не будутъ ѣсть треску, и она унесена была обратно. Въ столовой для надзора въ это время находился помощникъ инспектора учитель Θεодоръ Исполиновъ. Я отлучился на краткое время въ свой номеръ и немного запоздавъ, пришелъ въ столовую тогда, когда ученики, успѣли уже прокричать, а Исполиновъ немедленно послѣ этого ушелъ прямо къ о. ректору съ докладомъ: поведеніе учениковъ онъ объяснилъ бунтомъ. Какъ дежурнаго по столовой, призываетъ меня о. ректоръ и предлагаетъ сейчасъ же указать перваго зачинщика и виновника произведеннаго безпорядка, чтобы уволить его изъ семинаріи. Я не могъ этого сдѣлать, такъ какъ и на самомъ дѣлѣ не зналъ, кто изъ учениковъ первымъ рѣшился на такой небывалый въ то время поступокъ. Въ тотъ же день о. ректоръ съѣздилъ къ Преосвященнѣйшему Павлу съ докладъ о случившемся. Этотъ Владыка не любилъ долго разбираться въ дѣлахъ: онъ всегда рѣшалъ ихъ сразу. И вотъ черезъ два дня безъ всякой вины и злого умысла, въ примѣръ другимъ ученикамъ, вовсе неожиданно я былъ уволенъ изъ семинаріи, однако же съ одобрительнымъ поведеніемъ. Товарищи группами ходили и лично просили Преосвященнаго возвратитъ меня въ семинарію, но все было напрасно. Долго скорбѣлъ я, не зная, куда приклонить свою голову и за что взятъ: тяжело былъ этотъ крестъ для меня и трудно было нести его еще слабому и неопытному молодому человѣку. Но Милосердный Господь не оставляетъ человѣка во время скорби и печали, по слову Псалмопѣвца: *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаetz* (Псал. 54, ст. 23). Лѣтомъ того же года пробовалъ я поступитъ въ Архангельскую семинарію для окончанія курса, но Преосвященный Наѳанайль отказалъ въ приѣмѣ. Тогда, по рекомендаціи товарища Грязнова, временно поступилъ

я на должность домашняго учителя къ помѣщику села Данилова Александру Хомутильникову за 17 верстъ отъ Вологды по Пошехонской дорогѣ -- обучать первоначальной грамотѣ двухъ его сыновей. Полтора года состоялъ я домашнимъ учителемъ. Наконецъ рѣшился обратиться къ Преосвященнѣйшему Павлу съ просьбой дать мнѣ мѣсто священника гдѣ-либо въ бѣдномъ сельскомъ приходѣ. Преосвященный предложилъ и указалъ мнѣ на короткое время занять мѣсто діакона при Пачеозерской Михаило-Архангельской церкви Сольвычегодскаго уѣзда, съ обѣщаніемъ дать и священническое мѣсто въ скоромъ же времени. Съ удовольствіемъ я согласился на это и благодарилъ его. Такимъ образомъ, претерпѣвъ временную скорбь, я былъ ободренъ и вдвойнѣ вознагражденъ милостію своего Архипастыря“.

Съ этого времени началась пастырская служба о. Андрея сначала въ санѣ діакона, а потомъ въ санѣ священника, какую онъ проходилъ съ неослабѣвающимъ рвеніемъ и со всемъ усердіемъ до тѣхъ поръ, пока позволяли силы и здоровье. Вступивъ въ бракъ съ діаконской дочерью изъ подѣ Устюга Елисаветой Петровой Дементьевой, 19 ноября 1868 года онъ былъ рукоположенъ въ санъ діакона къ вышеозначенной Пачеозерской церкви. Владыка въ точности исполнилъ свое обѣщаніе. Черезъ три мѣсяца служенія въ санѣ діакона указомъ Вологодской духовной консисторіи о. Андрей вызывается въ Вологду для рукоположенія во священника ко вновь открывшейся Знаменской Богородской, что на Волчьемъ ручьѣ, церкви Сольвычегодскаго уѣзда и 3 апрѣля 1869 года былъ рукоположенъ въ санъ священника къ означенной церкви. Въ этомъ небольшомъ раскольническомъ приходѣ прослужилъ онъ тринадцать лѣтъ и по прошенію 21 августа 1882 года Преосвященнымъ Θεодосіемъ, Епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, перемѣщенъ къ Ягринской Николаевской церкви того же уѣзда. Ягринскій приходъ расположенъ по лѣвому берегу р. С. Двины по Архангельскому тракту на протяженіи 17 верстъ, съ населеніемъ въ 1500 душъ мужскаго пола. Подъ вліяніемъ прилегающей съ одной стороны болотистой мѣстности, этотъ приходъ обильный постоянными среди прихожанъ заболѣваніями лихорадкой и другими болѣзнями, при укоренившемся еще обычаѣ въ приходѣ -- крестить младенцевъ „на дому“ требовалъ со стороны священника усиленнаго напряженія и неутомимой энергіи. Однако и при большихъ трудахъ и даже постороннихъ должностяхъ здѣсь онъ прослужилъ один-

надцать лѣтъ и затѣмъ по прошенію 1 ноября 1893 года перемѣщенъ на настоятельскую вакансію къ двухклерной Удимской Васильевской церкви Устюжскаго уѣзда, съ населеніемъ въ 1500 душъ мужскаго пола въ обѣихъ половинахъ прихода, гдѣ прослужилъ еще 14 лѣтъ.

Проходилъ онъ должности: законоучителя въ начальныхъ земскихъ училищахъ 25 лѣтъ, духовника окружного духовенства 7 лѣтъ 9 мѣсяцевъ, особаго благочиннаго по расколу 6 лѣтъ, завѣдующаго церковно-приходскими школами 8 района Сольвычегодскаго уѣзда 3 года и около года законоучителя въ мѣстной церковно приходской школѣ. Имѣлъ награды: пабедренникъ, скуфью, камилавку и наперсный крестъ. — Въ 1907 году по прошенію, за слабостію здоровья, уволенъ за штатъ. Служенію церковное и всѣ таинства и обряды всегда выполнялъ о. Андрей съ глубокимъ благоговѣніемъ и умиленіемъ сердечнымъ, по уставу и безъ пропусковъ, весь уходъ въ молитвенное настроеніе, въ особенности при совершеніи Безкровной Жертвы, когда углублялся въ себя и забывалъ все окружающее. Это былъ истинно пастырь по призванію. Какъ на важное средство духовнаго воздѣйствія на пасомыхъ, между прочимъ онъ смотрѣлъ на дѣло проповѣди и виѣбогослуженныхъ бесѣдъ, чѣмъ старался пользоваться съ неослабѣвающимъ усердіемъ во все время своей службы. Въ матеріальномъ отношеніи жилъ безбѣдно и имѣлъ довольство и достатокъ во всемъ. Воспиталъ и обучилъ четверыхъ дѣтей — двухъ сыновей и двухъ дочерей. Изъ нихъ старшій сынъ Николай состоитъ нынѣ штатнымъ діакономъ при Морозовской Спаской церкви Устюжскаго уѣзда, младшій Сергій, кончивъ курсъ дух. семинаріи въ 1900 году, состоитъ священникомъ на родительскомъ мѣстѣ при Удимской Васильевской церкви того же уѣзда, старшая дочь Марія въ замужествѣ за священникомъ того же уѣзда; только младшая Ларисса, кончивъ курсъ Епархіальнаго женскаго училища и пристроенная родителями, счастливо прожила въ замужествѣ тоже за священникомъ всего полтора года, затѣмъ овдовѣла и оставшись бездѣтной и жалѣя своихъ престарѣлыхъ родителей, всецѣло отдала себя на поддержку и уходъ за ними, а до смерти отца ни на часъ не оставляла своей старушки — матери, которая, почти два года, пролежавъ на одрѣ болѣзни, лишенная погъ, пережила своего супруга только на пять мѣсяцевъ и скончалась 9 мая 1914 года. Покойный о. Андрей пре-

доставилъ ей въ пользованіе послѣ матери собственный домикъ на церковной землѣ, устроенный имъ себѣ на старость. А больной женѣ своей оставилъ на поддержку въ старости 300 руб. деньгами. Затѣмъ; предъ смертію самъ распредѣлялъ всею своимъ трудомъ и воздержаніемъ нажитый капиталъ—большую часть на поминъ своей души и всего рода своего при многихъ церквяхъ и ближайшихъ монастыряхъ, 100 руб. на раздачу бѣднымъ, столько же на погребеніе свое, 500 руб. на возобновленіе храма на родинѣ своей въ Вершинскомъ приходѣ, 500 руб. въ пользу Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, членомъ-сотрудникомъ котораго состоялъ онъ съ 1907 года до самой смерти и много собранныхъ своими трудами денегъ переслалъ въ теченіе 6 лѣтъ на пользу сего Общества, наконецъ, 1000 рублей 4% Государственной рентой послалъ на постройку храмовъ и школъ для переселенцевъ въ Сибирскомъ краѣ.

Всегда кроткій и предупредительно услужливый, готовый съ самопожертвованіемъ служить ближнимъ чѣмъ и какъ могъ, покойный снискалъ себѣ привязанность и сердечное расположеніе своихъ пасомыхъ и всѣхъ, съ кѣмъ бы ни приходилось ему входить въ общеніе по дѣламъ службы и въ частныхъ случаяхъ... Вотъ почему и на послѣднее прощаніе съ нимъ въ день его погребенія 7 декабря стеклось столько бывшихъ его прихожанъ изъ Васильевского прихода и знакомыхъ изъ сосѣднихъ приходо-довъ, что внушительныхъ размѣровъ храмъ Удимской Васильевской церкви едва вмѣстилъ въ себѣ всѣхъ собравшихся. Однихъ учащихся изъ всѣхъ 2-хъ училищъ прихода совместно съ учащими было свыше 200 человекъ. О количествѣ всѣхъ богомольцевъ можно судить по тому, что свѣчъ на руки по 2 и по 3 коп. въ чину отпѣванія было роздано всѣмъ присутствующимъ свыше, чѣмъ на 16 рублей. И вся эта масса почитателей—богомольцевъ, не смотря на духоту и жаръ отъ скопленія такого количества народа, съ молитвеннымъ расположеніемъ и замѣчательнымъ терпѣніемъ провела весь день подъ сводами храма въ ожиданіи послѣдняго прощанія съ почившимъ. Такъ какъ самый чинъ отпѣванія, совершенный полностью безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній, продолжался три часа; то служба съ отпѣваніемъ кончилась уже довольно поздно. Послѣдніе останки почившаго, съ крестнымъ ходомъ обнесены вокругъ храма, были принесены руками священнослужащихъ и родныхъ на мѣсто послѣдняго упокоенія и спущены въ могилу на восточной сторонѣ храма уже въ сумерки—въ 4 часу вечера.

Погрѣбіе о. Андрея совершенно при участіи 5 священниковъ и 3 діаконѣвъ — родственниковъ, мѣстнаго причта и духовника округа.

По окончаніи Божественной Литургіи мѣстный о. настоятель священникъ Магнъ Вересовъ сказалъ слово, характеризующее всю дѣятельность почившаго, какъ пастыря, законоучителя и чловека — семьянина, добросовѣстно исполнившаго свой долгъ по отношенію къ Богу и ближнимъ. Предъ отпѣваніемъ задушевную рѣчь о трудахъ, лишеніяхъ и всѣхъ невзгодахъ жизни покойнаго сказалъ сынъ покойнаго и замѣститель его по приходу, священникъ мѣстнаго храма о. Сергій Вронѣвъ. Наконецъ, предъ послѣднимъ цѣлованіемъ прочувствованная рѣчь на прощаніе произнесена затѣмъ покойнаго священникомъ Благовѣщенской Близгородней церкви Николаемъ Подовымъ.

С. Н. П.

Епархіальная хроника.

28 мая. Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Александръ, Епископъ Вологодскій и Тогемскій прибылъ изъ С.-Петербурга по окончаніи земной сессіи Св. Синода въ Вологду въ 1 часъ 30 м. пополудни съ почтовымъ поѣздомъ и, встрѣченный на вокзалѣ городскимъ духовенствомъ, прослѣдовалъ при колокольномъ звонѣ въ свои покои, посѣтивъ на пути Спасо-всеградскій сборъ.

29 мая. Преосвященный Викарій Епископъ Вельскій Антоній совершилъ въ 1 ч. 50 м. ночи въ сослуженіи градскихъ благотворительныхъ и восьми священниковъ панихиду въ вагонѣ-церкви (прибывшемъ съ пассажирскимъ поѣздомъ изъ Москвы) по усопшемъ архіепископѣ Алексѣѣ, Экзархѣ Грузіи, тѣло котораго было препровождено въ Вятскую епархію съ этимъ поѣздомъ. На панихидѣ присутствовалъ г. Начальникъ Вологодской губерніи и высшія должностныя лица Вологодской администраціи.

30 мая. Преосвященный Викарій, Епископъ Вельскій Антоній, совершалъ благодарственный молебенъ въ помѣщеніи родо-вспомогательнаго пріюта Вологодскаго женскаго благотворительнаго общества по случаю 25-тилѣтія открытія сего общества.

2 іюня. Преосвященный Антоній, Епископъ Вельскій, совершалъ всенощное бдѣніе въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ.

3 іюня. Изъ г. Вологды въ 8 часовъ утра отправился въ Спасо-Прилуцкій монастырь крестный ходъ при участіи градскаго